

Театр Гоголя

ГОГОЛЬ, по собственному признанию, был «сдержанным театром в первую половину своей творческой жизни. «Я помещался на комедии», — пишет он в 1833 году Погодину. Кровь отца — известного украинского водевилиста, огромный актерский талант, одно время чуть не толкавший его на сцену, практика школьных спектаклей в Нрагине, на которых он показал образцы «естественной» игры задолго до реформы Щепкина на театре, печальное состояние тогдашнего репертуара, — все это влекло молодого Гоголя на сцену. Первым драматургическим детищем его был «Владимир третьей степени».

История этой оборванной комедии, от которой остались лишь отдельные сцены («Лакейская», «Тяжба», «Утро делового человека», «Отрывок»), показывает, с какими огромными замыслами общественной и социальной сатиры в то время носился Гоголь. «Сколько злости, смеху, соли, — пишет Гоголь о своем замысле, — но вдруг остановился, увидевши, что перо так и толкается об такие места, которые цензура ни за что не пропустит». И он начинает искать сюжет «самый невинный, которым даже квартальный не мог бы обидеться».

Таким «невинным» сюжетом для него были «Женитьба», над которыми он работал с 1832 года, но которых он закончил лишь в 1840 году под названием «Женитьба». Исследователи творчества Гоголя (Шенрок, Тихонравов, Котляревский и др.) предполагают, что критические замечания Пушкина, Сосницкого («Две прекрасные сцены не могут испустить целой комедии») и кружка Погодина останавливали Гоголя в этой работе. Однако эти исследователи не обратили должного внимания на фразу самого Гоголя в том же письме к Погодину: «Но что комедия без правды и злости». Такой правды и злости не могло быть в «Женитьбе», и Гоголь снова мучительно ищет сюжет для комедии, от которой «кинуло в трепет зрителя и ужас от беспорядков пронял бы его наотвязь всего» («Развязка «Ревизора»). На помощь ему пришел Пушкин, и замысел «Ревизора» уже набрасывается на бумагу.

II.

Понимал ли сам Гоголь ту огромную взрывчатую силу, которая была заключена в этой комедии и о которой умный П. Вяземский писал: «Комедия была признана многими либеральным явлением, вроде, на-

К 125-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Н. В. ГОГОЛЯ. На снимке: дом, в котором жил и умер Николай Васильевич Гоголь. (Никитский бульвар).

пример, комедии Бомарше «Севильский цирюльник», признана за какой-то политический брансбургель, брошенный в общество под видом комедии». И хотя сам Вяземский отрицает это мнение, но в действительности оно оказалось исторически оправданным. Впоследствии сам Гоголь, как легендарный волшебник, испугался того духа, которого он сам вызвал, и всячески пытался отправить его обратно в тот «душевный пород», в котором самому писателю пришлось вскоре задохнуться и погибнуть. Но черновики, оставшиеся от первой редакции «Ревизора», убедительно свидетельствуют, что молодой Гоголь замахивался первоначально гораздо шире и злее, чем это оказалось возможным в пределах царской цензуры. Вычеркнутая впоследствии фраза Хлестакова: «Ах, чертовские вы богачи, проклятые! Эх, если б мне взлого хоть десятую долю!» свидетельствует, что Гоголь отлично понимал и социальную природу своих персонажей и ту огромную пропасть, которая отделяла его самого, бедного, мелкопоместного полудворянина, полураскопачника от той титулованной знати, которая владела крепостной Россией, как своим имуществом. Как-раз в эпоху создания «Ре-

визора» Гоголь пишет в одном из писем: «Чем знатнее, чем выше класс, тем он глупее». На эту глупость и рассчитывал Гоголь, представляя через Жуковского свою комедию на просмотр Николаю I.

Комедия была встречена «в штыхи наемными убийцами из «Библиотеки для чтения» и «Северной пчелы», признавших в ней «грязный фарс», но в Москве уже формировались кадры новой журналистики, выразившие общественные требования других социальных кругов, чем Булгакин и Греч. — Белинский Герцен и другие. Их мнение было исчерпывающе выражено рецензентом «Молвы», сказавшим: «Комедия смешна, так сказать, снаружи, но внутри — это горе-гореванье, льском подпоясано, и моталочу опутано». Впоследствии Герцен (1851 год) так сформулировал отношение радикальной общественности к творчеству Гоголя: «Комедия Гоголя «Ревизор», его поэма «Мертвые души» представляют собой ужасную исповедь современной России, напоминающую разоблачение Кошкина в XVII веке».

III.

Чему может учиться советский драматург у Гоголя? Прежде всего сценическому мастерству, умению драматургически мыслить и чувствовать. Еще В. Н. Немирович-Данченко в своей забытой статье о Гоголе очень верно заметил: «Самые замечательные мастера театра не могли завязать пьесу иначе, как в нескольких первых сценах. В «Ревизоре» же — одна фраза, одна первая фраза: «Я пригласил вас, господа, с тем, чтобы сообщить неприятное известие: к нам едет ревизор», — и пьеса уже начата. Дана фабула и дан главнейший импульс — страх». В. Немирович-Данченко называет такое мастерство Гоголя «гениальным чувством сцены», но тщательное изучение черновиков Гоголя, его записных книжек и долгих, мучительных поговорок окончательных редакций, растянувшихся на долгие годы, свидетельствует, что помимо гениального чувства сцены перед нами и результат огромной работы, плоды пристального изучения театра не только в его репертуаре, но и в общении с наиболее выдающимися его мастерами.

Вот этой-то живой связи Гоголя с современным ему театром, его умения видеть за своими персонажами их воплощений на сцене, и не только их, но и зрительный зал, с его различными группами и социальными прослойками («Театральный разезд»), его стремление в одной пьесе занять всю трупу (впоследствии антрепренеры формировали труппу по «Ревизору»), его умение сочетать правду и злость огромной темы с блестящим нарастающим интриги, закономерно влекущейся к «электрическому» финалу. — всему этому и должны учиться советские драматурги у Гоголя и его театра.